

Keywords: *Moravia and Pannonia in the 9th century, missionary activity of Cyril and Methodius, voluntary conversion to Christianity, the struggle of the popes against the guardianship of the frank kings over the church, pseudo-isidorian decretals*

Антон Циммерлинг

DOI: 10.31168/91674-576-4.37

*Государственный институт русского языка имени А.С.Пушкина,
Институт языкознания РАН,
Московский педагогический государственный университет, Россия
fagraey64@hotmail.com*

Толмач немецкий:

Дмитрий Герасимов и посольские книги*

На основе лингвистических и исторических данных доказывается, что Дмитрий Щербатый, переводчик двух посольских грамот, присланных в Москву из Ивангорода в 1505 г., — то же лицо, что писатель и дипломат Дмитрий Герасимов. Грамоты Щербатова/Герасимова имеют уникальные для посольских книг Ивана III характеристики, связанные с передачей черт новгородского диалекта и рефлексией над вариантами русского языка конца XV-начала XVI вв. Гипотеза о тождестве Герасимова с Дмитрием Зайцевым должна быть отвергнута.

Ключевые слова: *русский язык конца XV в, посольские книги, перевод, идентификация писцов, Дмитрий Герасимов*

1. Дмитрий Герасимов и посольские книги Москвы. Одним из немногих известных по имени русских светских авторов конца XV — начала XVI вв. был

* Работа написана при поддержке проекта РФФИ 17-04-00444, реализуемого в МПГУ.

новгородец *Дмитрий Герасимов* (род. не ранее 1465 г.), член геннадиевского кружка, филолог и переводчик. О его участии в составлении Геннадиевской Библии см. [Томеллеры 1999: 21], о последнем переводе Герасимова, сделанном ок. 1535 г., см. [Томеллеры 2017], о других приписываемых ему переводах см. [Казакова, Катушкина 1968: 239]. В Москве Герасимов подвизался как переводчик с латинского и немецкого. Его услуги были востребованы. В 1518 г. Герасимова вместе с другим великокняжеским переводчиком, *Власом Игнатовым*, приставили к прибывшему в Россию Максиму Греку для перевода Толковой Псалтири, Толкового Апостола и других текстов: языком, на котором они общались, была латынь*. Латынь с 1488 г. была основным языком переговоров со Священной Римской Империей и Венгрией. Однако единственное бесспорное упоминание Герасимова в посольских книгах связано не с переговорами в Москве, а с его отправкой в Рим в 1525 г. в качестве *легкого посла* (гонца с дипломатическим поручением). Грамота 2-й Литовской книги (РНБ, Q4.70, Ч. 2–3) называет его *Митей Герасимовымъ, толмачем немѣцкимъ* [ПДС 35: 692], хотя переговоры с папским престолом в Риме шли на латыни. «Никоновская летопись» говорит о толмаче *Мите Малом* и его переводах: его отождествление с Герасимовым принимается историками [Казакова 1972; 1988]. Неясно, кто именно из старших коллег Герасимова – дипломатов и переводчиков – мог в этом контексте именоваться *Митей Старым/Большим*: обсуждались разные лица.

2. Митя Герасимов и Митя Заецов. Отсутствие более частых указаний на деятельность Герасимова в посольских книгах Ивана III и Василия III удивительно, так как людей с его навыками в то время на Руси было наперечет. Напрашивается предположение, что он все-таки

* Об этом сообщал сам Герасимов в письме своему покровителю, дьяку Михаилу (Мисюрю) Мунехину (ум. в 1528 г.).

присутствует, но назван как-то иначе. Е.Е.Голубинский отождествил Герасимова с приставом *Дмитрием Зайцевым* (*Заецовым*), который упоминается в трех посольских книгах [Голубинский 1900: 891]. Но база служилой элиты XV–XVI вв. [Корзинин, Сосницкий 2018] позволяет эту конъектуру отвергнуть.

В Крымской книге (РГАДА, Ф.123, Оп. 1., № 1, 2, 4°) сказано, что Федор Курицын в августе 1492 г. отправлял московскому послу Константину Заболоцкому инструкцию (*память*), и эту память доставил гонец *Митя Заецов* [ПДС 41: 164]. Если это то же лицо, которое упомянуто в Литовской книге в рассказе о двух событиях 1494 г. и в Имперской книге в рассказе о приеме у имперского посла Герберштейна в 1517 г., речь идет о постельничем *Дмитрие Ушаке Федорове сыне*, который дважды назван в Литовской книге и Имперской книге *Ушаком Заецовым* [ПДС 35: 134; ПДС 1: 186] и один раз *Митей Заецовым* [ПДС 35: 158]. Он упомянут и в Разрядной Книге [РК 1966: 26]. Из набора обозначений Дмитрия Ушака следует, что речь идет о человеке по прозвищу *Ушак*, сыне Федора, по прозвищу *Заец*. В нескольких случаях (январь 1494 г., октябрь 1495 г., февраль 1500 г.) Митя Заецов, он же Дмитрий Ушак, назван вместе со своим братом *Ярцом* (*Юрием*, *Юрцом*) *Заецовым*, который тоже был приставом и послом [ПДС 41: 96 – 97; ПДС 35: 134], см. данные о последнем в базе служилой элиты XV–XVI вв. <https://ruling-elite.spbu.ru/component/fabrik/details/1/3229.html?Itemid=108>.

Родовое имя *Герасимов* применительно к московскому послу в Риме указывает не на отчество, а на имя старшего брата, видного члена геннадиевского кружка, иеромонаха, затем игумена *Герасима Поповки* (до 1465 г. – не ранее 1502/1503 гг.), о последнем см. [Лурье 1960: 208, 266 – 268]. Тем самым, конъектуру Е.Е. Голубинского о тождестве Мити Герасимова и Мити Заецова следует отвергнуть. В то же время, в посольских

книгах есть не замечавшееся комментаторами вплоть до 2019 г. упоминание под 1505 г., которое лучше согласуется с деталями биографии Дмитрия Герасимова. В этом месте интересующее нас лицо названо *Дмитрием Щербатым* [Циммерлинг 2019b]. Кратко изложим основные факты.

3. Ивангородское дело 1505 г. и Дмитрий Щербатый. 16 июня 1505 г., в последние месяцы жизни Ивана III, ивангородский наместник князь Константин Ушатый отправил в Москву через своих начальников, новгородских наместников, князей Даниила Васильевича Щени Патрикеева и Василия Шуйского, донесение о внезапном появлении на границе гонца императора Священной Римской Империи Максимилиана I, некоего *Юшта* (Юстуса) *Кантингера*. Гонец затребовал знакомого ему переводчика *Дмитрия Щербатого* в сопровождении подъячего, чтобы передать в Москву письма от императора и его сына короля Филиппа. У Ушатого также потребовали аудиенции ливонцы, которые известили его о предстоящем приходе императорских послов в Москву. Это было исполнено. Дмитрий Щербатый перевел грамоты или воспроизводящие их слова гонца, которые Константин Ушатый отослал в Москву вместе со своим письмом. Как следует из приложенного письма князей Щени с Шуйским, других переводчиков, которые могли бы решить эту задачу, в тот момент в Новгородской земле не было [ПДС 1: 125]. То, что речь идет именно о письменном переводе с латинского языка, вытекает из того, что ливонцы пришли к Ушатому в Ивангород со своим толмачом. Кроме того, в Новгороде традиционно были люди, говорившие по-немецки. Слова Щени с Шуйским *“Прислаль, государь, намъ съ Иванягорода, князь Костянтинъ Θεодоровичъ свою грамоту да грамоту Цесарского короля, да Испанского короля. И тое, государь, грамоты, у насъ перевѣсти нѣкому, и мы, государь, тѣ грамоты послали к тебѣ ко государю”* можно толковать дво-

яко. Либо они отослали в Москву имперские грамоты без русских списков, которые были сделаны чуть позднее, либо не захотели подтверждать перевод, который до них был сделан в Ивангороде Дмитрием. Возможно, они побоялись вскрывать грамоты, адресованные Великому Князю, чтобы не дать повод обвинить себя в измене*. Кажется невероятным, чтобы имперские грамоты ушли в Москву без русских списков Дмитрия: все ивангородские грамоты попали в Москву 16 июня 1505 г., а уже 19 июня 1505 г. из Москвы в Ивангород был отправлен подробный ответ.

179

Есть явные основания отождествить Дмитрия Щербатого, далее названного в пришедшей из Москвы грамоте *Дмитрием Щербачом* [ПДС 1: 139], с Герасимовым. На помощь Щербачу в Ивангород в 1505 г. был отряжен тот самый толмач *Влас Игнатов*, вместе с которым Герасимов позже переводил речи Максима Грека. Более того, отвечать имперскому гонцу Влас с Дмитрием по инструкции должны были вместе [ibid., 132]. Итак, Дмитрий Щербатый делит с книжником Дмитрием Герасимовым не только навыки (переводит с немецкого и латинского), но часть биографии. Из посольских книг мы знаем, что переводчик Щербатый был связан с Новгородом и Ивангородом и бывал в немецкоязычных землях, где ранее встречал гонца Юшта Кантингера**.

Подвергались ли присланные в 1505 г. из Ивангорода и впоследствии включенные в Имперскую книгу (РГАДА, Ф.32., оп.1, ед.хр.1, 8□) грамоты языковой

* Когда Кантингер в 1506 г. прибыл в Москву, печать его грамоты была порушена, но ему удалось оправдаться тем, что к грамоте дважды была приложена королевская рука, которую московские толмачи признали подлинной [ПДС 1: 146]. Возможно, в 1505 г. грамоты Кантингера были не в лучшем состоянии, и Щеня с Шуйским, не желая ставить себя под удар, сразу объявили, что их не трогают.

** При дворе Ивана III к 1505 г. подзабыли детали первого визита Юшта в Москву в 1502 г., поэтому Власу предписывалось навести у Дмитрия о нем справки [ПДС 1: 139]. Не исключено, что, между 1502 и летом 1505 г. в Москве сменилась часть дьяков и подъячих.

правке в Москве? Есть в этих грамотах черты, которые можно связать с лингвистическим портретом Дмитрия Герасимова? На оба вопроса есть ответ. В посольские книги Ивана III включались оригинальные грамоты, написанные на идиомах старорусского языка, отличных от якающего центрально-великорусского диалекта, на котором ок. 1500 г. говорили в Москве. Это было правилом в переписке с Великим Княжеством Литовским (далее –ВКЛ). Кроме того, в Крымскую книгу, как показано в [Циммерлинг 2019b], вошло несколько грамот на староукраинском языке, привезенных в Москву кафинским послом Алакозюком в 1500 г. Что касается двух переводных грамот Щербатого, они написаны книжным языком и резко отличаются от сопроводительных писем Ушатого и Щени. Особенно нагляден контраст с грамотой Ушатого, написанной разговорным языком на якающем диалекте. Здесь, помимо стандартной для идиома Великого Княжества Московского (далее –ВКМ) формы связки 1 л. мн.ч. *есмя*, встречается нелитературная и редкая для своего времени форма связки 2 л. мн.ч. *естя* (1 пример при 2 примерах формы *есте*), а также форма *нелзя**. Встречается конструкция им.п. + инфинитив после каузативного предиката *а велѣно*, что нехарактерно для московских посольских грамот и несвойственно русскому языку XI–XV вв. [Циммерлинг 2019а: 304, 315]. В переводных грамотах Щербатого не только нет следов яканья, но и дважды представлена уникальная для массива посольских книг Ивана III диалектная северо-западная форма связки 1 л. мн.ч. *есме*, см. о ней [Молдаван 2019].

(1) Понужаеми **есме**, наияснѣишии начальниче, о вещи необычной и наипача нами невидѣнной къ высокости Вашей грамоту дати. [ПДС 1: 128]

* Употребление формы 1 л. мн.ч. *есмя* не предполагало последовательное отражение яканья в других словах. В Имперской книге, л. 1–167 в предикативе (не)лзѣ отражаются формы без яканья: лзѣ [ПДС 1: 86], нелзѣ [ibid., 96], нелзе [ibid., 104].

(2) И нынѣ **есме** первое уверилися, коимъ чиномъ въ брани нѣкое и валкѣ недавно противу болшого нѣмецкого чина великого магистра и вѣрныхъ и православныхъ тое жѣ ливонские отчины, и иныхъ ихътоземцевъ и порубежеи отъ ясности вашей крѣпко побѣжая пленени быша мнози и поимани отъ вашихъ, ведени и велми тесно въ тѣмницу заключени. [ПДС 1: 128].

Что же заставило Дмитрия прибегнуть к диалектному *есме* при передаче латинского текста? Здесь надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, нормы приказного стиля носили последовательно светский характер. Во-вторых, стилистически нейтральной формы связки 1 л. мн.ч. к 1500 г. не было: книжная традиция предписывала церковнославянский вариант *есмы*, а приказной стиль, в зависимости от диалекта писца – *есмо* (идиом ВКЛ) либо *есмя* (идиом ВКМ). Книжную форму *есмы* Дмитрий мог забраковать как неуместный для посольской грамоты церковнославянизм, а якаящая форма *есмя* могла восприниматься им как вульгарная и плохо сочетающаяся с риторикой переводимого текста. Его решение – это выбор стилиста, причастного книжной традиции и одновременно имевшего опыт перевода посольских грамот. Очевидно также, что составители посольских книг не предпринимали попыток привести переводные грамоты Щербатого и разъяснения Ушатого к единому стандарту.

Был ли переводчик ивангородских грамот книжником Дмитрием Герасимовым? Здесь мы сталкиваемся с пределами историко-филологической реконструкции. Если Щербатый – не Герасимов, то это человек, который говорил на том же новгородском диалекте и имел такой же культурный опыт. И почти идентичную биографию.

4. Посольские книги и их писцы. По кодикологическим и палеографическим критериям время создания посольских книг Ивана III датируется первыми десятилетиями XVI в. [Мошкова 2017: 237]. По гипотезе

Л.В. ошковой, первые посольские книги Руси не редактировались, а именно составлялись из оригинальных грамот в эпоху Василия III [ibid.: 242]. К тому же выводу подводит лингвистический анализ идиомов входящих посольских грамот [Циммерлинг 2019b]. Почерки писцов при существующем объеме знаний не поддаются идентификации в полном объеме, но некоторые почерки первых посольских книг Москвы похожи на отдельные почерки первых писцовых книг Новгорода [ibid.: 240]. Тем самым, остается шанс установить, что часть первых посольских книг записана носителями северо-западного диалекта старорусского языка, перемещенными в Москву. Кроме того, есть рукописи, где часть исследователей усматривает руку Дмитрия Герасимова. Более тщательное сличение трех названных групп рукописей даст шанс для новых открытий.

Литература

Голубинский 1900 – Голубинский Е.Е. История русской церкви. Периодъ второй, московскій. Т. 2. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. университете, 1900. 919 с.

Казакова 1972 – Казакова Н.А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений, Сб. ст. Л.: Наука, 1972. С. 248–266.

Казакова 1988 – Казакова Н.А. Дмитрий Герасимов (Митя Толмач, Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: АН СССР, ИРЛИ, 1988. Т. 2, вып. 1.

Казакова, Катушкина 1968 – Казакова Н.А., Катушкина Л.Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968.

Корзинин, Сосницкий 2018 – Корзинин А.Л., Сосницкий Д.А. Электронный портал «Правящая элита русского государства последней четверти XV–середины XVI века»: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование и цели его создания // Мавродинские чтения 2018 Мате-

риалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. Под редакцией А.Ю. Дворниченко. Спб.: Нестор-История, 2018. С. 233–236.

Лурье 1960 – Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1960. 528 с.

Молдаван 2019 – Молдаван А.М. Вариативность связи 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, XXII. 2019.

Мошкова 2017 – Мошкова Л.В. Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование централизованного Российского государства: глобальные и локальные контексты. Материалы все-союзной с международным участием конференции. Калуга, 2017, С. 232–249.

ПДС 1 – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч.1. Сношения с государствами европейскими. Т.1. Памятники дипломатических сношений с Имперією Римскою. Сь 1488 по 1594 гг. Спб.: Типография 2-го отд. собственного Е.И.В. канцелярии, 1851. 1620 с.

ПДС 35 – Сборник императорского русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовскимъ. Т. 1. Сь 1487 по 1533 гг. Спб.: Типография Θ.Г. Елконского и К, 1882. 869 с.

ПДС 41 – Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и сь Турцією. Т. 1. Сь 1474 по 1505 гг. Спб.: Типография Θ.Г. Елконского и К, 1884. 558 с.

РК 1966 – Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Томеллеры 1999 – Томеллеры В. Заметки о деятельности Геннадиевского кружка // *Russica romana*. Vol. 6, 1999. P. 11–27.

Томеллеры 2017 – Томеллеры В.С. Апостольский символ веры (Symbolum Apostolorum) в церковнославянском переводе Дм. Герасимова. Введение. Интерлинейное издание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 4. 2017. С. 6–40.

184

Циммерлинг 2019a – Циммерлинг А.В. Кому *проспати заутрення и ловити рыба*? Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // Die Welt der Slaven, № 2. 2019. P. 299–337.

Циммерлинг 2019b – Циммерлинг А.В. Восток есть восток? Переводные и оригинальные грамоты посольских книг Иван III // Труды Института русского языка имени В.В.Виноградова РАН, вып. XXII. 2019.

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute,

Moscow Pedagogical State University,

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

fagraey64@hotmail.com

The german tolmach:

Dmitry Gerasimov and his aliases in the embassy books

I prove that the interpreter of two embassy letters sent from Ivangorod (Jaanilinn) to Moscow in 1505, a certain Dmitry Ščerbaty is identical to the Russian author and diplomat Dmitry Gerasimov. Ščerbaty's / Gerasimov's letters have unique features distinguishing them from other embassy letters from the time of Ivan III. The choice of the North-Western dialect form of the 1 Pl. auxiliary *ecme* in the translation of a Latin embassy letter is a footprint of the book author who discarded the both the vernacular alternative *есмя / есмо* as vulgar and the Church Slavonic variant *есмы*. Evgenij E. Golubinskij's conjecture that Gerasimov is mentioned elsewhere in the embassy books as 'Dmitry Zaecov' is not justified.

Keywords: *Russian language of the late XVth century; embassy books, translation, identification of scribes, Dmitry Gerasimov*